

*Эта книга посвящается Энн Питерс,
которая когда-то была моей секретаршей
и навсегда останется моим другом,
потому что она обожает Корфу и, возможно,
знает его лучше меня*

Вступительное слово

Это уже третья книга, посвященная пребыванию моей семьи на острове Корфу перед последней мировой войной. Кто-то, возможно, удивится, что у меня еще нашелся материал об этом периоде жизни, но тут позвольте заметить, что мы тогда по греческим меркам были людьми весьма состоятельными; никто из нас не работал в общепринятом значении слова, вот почему мы проводили бóльшую часть времени в забавах. А если это растянулось на целых пять лет, поневоле накопится изрядный материал.

Проблема с написанием серии книг, в которых задействованы одни и те же или почти одни и те же персонажи, состоит в том, что тебе не хочется утомлять читателя предыдущих опусов бесконечными описаниями уже знакомых персон. Но нельзя же из тщеславия полагать, что все прочли эти ранние книжки, вот и приходится допустить, что кто-то знакомится с твоим творчеством впервые. Непро-

Вступительное слово

сто славировать так, чтобы не сердить старого читателя, но и нового совсем уж не перегружать. Надеюсь, мне это удалось.

О первой книге трилогии — «Моя семья и другие звери» — я высказался в свое время следующим образом и лучше, пожалуй, не смогу: «Я постарался нарисовать точный, без преувеличений, портрет моей семьи; они выглядят такими, какими я их видел. Вместе с тем, чтобы объяснить их несколько эксцентричное поведение, думается, надо уточнить, что в те дни пребывания на Корфу все были еще достаточно молоды: старшему, Ларри, было двадцать три, Лесли — девятнадцать, Марго — восемнадцать, я же, самый младший, был впечатлительным десятилетним юнцом. О возрасте нашей матери нам было трудно судить по той простой причине, что она никогда толком не помнила даты своего рождения; поэтому скажу просто: она была матерью четырех детей. А еще она настаивает, чтобы я непременно уточнил: она вдова, — поскольку, как она весьма проницательно заметила, мало ли что люди могут подумать.

Чтобы растянувшиеся на пять лет события, наблюдения и просто приятное времяпрепровождение спрессовать до объема поскромнее, чем „Британская энциклопедия“, мне пришлось складывать, перекраивать и подрезать материал, в результате чего от первоначаль-

Вступительное слово

ной последовательности событий мало что осталось».

А еще я тогда сказал, что «был вынужден вывести за скобки кучу эпизодов и персонажей, которых с удовольствием бы описал», — вот я и постарался теперь восполнить былые пробелы. Надеюсь, эта книга доставит читателям такое же удовольствие, как и предыдущие — «Моя семья и другие звери» и «Птицы, звери и родственники». Здесь отражены очень важная часть моей жизни и то, чего многие нынешние дети, кажется, увы, лишены, — поистине счастливое, солнечное детство.

1

СОБАКИ,
СОНИ
И
СУМЯТИЦА

На ужасном турке следует решительно
поставить крест¹.

Томас Карлейль

¹ Из письма шотландского философа и историка Томаса Карлейля (1795–1881) в газету «Таймс»; письмо было посвящено Балканскому кризису 1875–1876 гг. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

То лето выдалось особенно плодоносным. Казалось, солнце решило собрать с острова небывалый урожай: еще никогда мы не видели такого обилия фруктов и цветов, море не было столь теплым и щедрым на рыбу, птицы не выкармливали столько потомства, а вокруг не порхало такого количества бабочек и других насекомых. Арбузы, хрустящие и прохладные, как порозовевший снег, смотрелись внушительными ботаническими снарядами, и одного такого хватило бы, чтобы стереть с лица земли целый город. Персики, оранжевые и розовые, как месяц в полнолуние, пугали на дереве своими размерами, их толстую бархатистую кожуру распирали сладкий сок. Черный инжир даже кое-где полопался, и в розовых трещинках золотистые бронзовки сидели осоловелые от этой неизбывной щедрости. Вишни осели от груза ягод, и можно было подумать, что где-то в саду зарезали дракона и он забрызгал всю листву своей алой кровью. Ку-

Сад богов

курузные початки выросли длиной с мою руку от локтя до кисти, и стоило запустить зубы в канареечно-желтую мозаику из зерен, как в рот брызгал молочно-белый сок. Деревья раздавались и округлялись, уже готовя себя к осени, обрастали зеленым, как нефрит, миндалем, грецкими орехами и оливками, обтекаемыми, яркими и блестящими, словно птичьи яйца.

Естественно, после того как жизнь на острове забила ключом, мои усилия по пополнению домашней коллекции удвоились. Помимо еженедельного времяпрепровождения с Теодором, я стал устраивать куда более смелые и масштабные экспедиции, так как теперь в моем распоряжении находилась ослица Салли, подарок к моему дню рождения. Как средство передвижения и вьючное животное она была бесценна, но при этом отличалась большим упрямством. Правда, это уравнивалось одной добродетелью: как все ослы, она отличалась бесконечным терпением. Пока я наблюдал за тем или иным созданием, она с блаженным видом таранилась в одну точку или погружалась в дрему, состояние счастливого транса, доступного всем ослам, когда, смежив глаза, они впадают в нирвану и становятся невосприимчивы к окрикам, угрозам и даже ударам палкой. Собаки, например, проявив некоторое терпение, начинали зевать,

1. Собаки, сони и сумятица

вздыхать и чесаться — словом, всячески показывать, что они уделили уже достаточно времени какому-нибудь пауку или иному существу и пора двигаться дальше. Салли же, впадая в дрему, казалось, готова была с радостью стоять так дни напролет, если надо.

Однажды мой друг-крестьянин с острым глазом, добывавший для меня разную живность, сообщил мне о том, что в каменистой долине в пяти милях к северу от нашей виллы появились две огромные птицы. Видимо, они там гнездились. Судя по его описанию, речь шла об орлах или стервятниках, и я загорелся желанием заполнить их потомство. Мою коллекцию хищных птиц составляли три вида сов, ястреб-перепелятник, дербник и пустельга, так что орел или стервятник ее бы только украсили. Понятно, что я об этом ни словом не обмолвился дома, так как счета за мясо для моих питомцев были и без того астрономическими. А кроме того, я легко себе представил реакцию Ларри на мое предложение обзавестись стервятником. В подобных случаях я всегда предпочитал ставить его перед фактом. Когда на вилле появлялся новый обитатель, я, как правило, мог рассчитывать на поддержку матери и Марго.

К экспедиции я приготовился со всем тщанием: запасы еды для себя и собак, лимонад «Гасоса», обычный ассортимент жестянок и ко-

Сад богов

робок, сачок для бабочек и большая сумка для будущего орла или стервятника. Еще я прихватил бинокль брата, помощнее моего. К счастью, спросить было не у кого, но будь Лесли дома, я уверен, что он бы мне не отказал. В последний раз проверив все пожитки, я принялся навьючивать на Салли мой скарб. Она была в исключительно мрачном и норовистом настроении, даже по ослиным меркам, и вывела меня из себя, намеренно наступив мне на ногу, а затем больно укусив за попу, когда я нагнулся, чтобы поднять сачок. Получив в ответ удар палкой за плохое поведение, она обиделась не на шутку, так что наша экспедиция началась с серьезной ссоры. Я холодно поправил соломенную шляпку, прикрывавшую ее мохнатые уши, формой напоминавшие лилии, свистнул собак, и мы отправились в путь.

Несмотря на раннее утро, солнце жарило уже вовсю, а чистое небо было жгуче-голубым, как соль, брошенная на раскаленную сковородку, с туманным маревом по краям. Дорогу покрывала толстым слоем белая пыль, липкая, как цветочная пыльца. Навстречу нам ехали мои друзья-крестьяне на своих ослах — кто на рынок, кто в поле трудиться. Это неизбежно тормозило наше продвижение к цели, ибо хорошие манеры требовали, чтобы я переговорил с каждым. На Корфу твоя святая обязанность — какое-то время посплетничать

1. Собаки, сони и сумятица

и, очень может быть, принять в дар кусок хлеба, сушеные арбузные семечки или гроздь винограда в знак любви и уважения. Поэтому к тому моменту, когда мы свернули с горячей пыльной дороги в прохладную оливковую рощу на холме, меня уже хорошо нагрузили всевозможными съестными припасами, и самым большим из них был арбуз — щедрый подарок, навязанный мне мамашей Агати, моей доброй подружкой, с которой мы не виделись аж целую неделю, и все это время, по ее глубокому убеждению, я голодал.

После дорожной парилки оливковая роща порадовала тенью и прохладой деревенского колодца. Собаки, как всегда, бежали впереди, рыская вокруг мощных изъеденных стволов и периодически срываясь на лай от возмущения нагло проносящимися над самой землей ласточками, за которыми они вовсю гонялись, а не догнав, срывали злость на какой-нибудь невинной овечке или простодушной курице, за что приходилось их строго отчитывать. Салли, позабыв о своей обиде, бойко трусила, одно ухо вперед, другое назад, чтобы слышать мое пение или комментарии по поводу пейзажа.

В какой-то момент мы оставили тенистую рощу, а дальше наш путь лежал вверх по палящим склонам через заросли мирта, дубовые перелески и космы раkitника. Салли топтала

Сад богов

копытами траву, нагретый воздух был напоен запахами шалфея и чабреца. К полудню тяжело дышащие собаки и мы с ослицей, обливающиеся потом, добрались до золотистых и ржаво-кирпичных скал центральной гряды. Далеко внизу лежало море, похожее на синее льняное полотно. На часах была половина третьего, когда я в расстроенных чувствах присел под прикрытием массивной скалы из обнаженной породы. Следуя инструкциям моего друга, мы действительно обнаружили гнездо, и не чье-нибудь, а белоголового грифона, устроенное на каменистом выступе, с двумя пухленькими и почти оперившимися птенцами, как раз готовыми к усыновлению. Вот только проблема заключалась в том, что я никак не мог добраться до гнезда — ни сверху, ни снизу. После часа бесплодных попыток похитить детенышей мне пришлось, как это ни печально, отказаться от идеи пополнить свою коллекцию хищных птиц. Мы спустились с горы и остановились отдохнуть в тени. Я ел бутерброды и сваренные вкрутую яйца, Салли устроила себе легкий перекус из сушеных кукурузных початков и арбузных ломтиков, а собаки утоляли жажду тем же арбузом пополам с виноградом, которые они заглатывали с такой жадностью, что порой начинали кашлять, подавившись косточкой. Из-за своей прожорливости и всякого отсутствия ма-

1. Собаки, сони и сумятица

нер они разделались с обедом гораздо быстрее, чем я и Салли, и, с грустью осознав, что больше от меня ничего не дождешься, поплелись вниз по склону в надежде чем-то разжиться самим.

Лежа на животе, я хрустел прохладным, розовым, как коралл, арбузом и осматривался. Метрах в пятнадцати подо мной стоял полуразрушенный крестьянский домик. Здесь и там можно было различить бывшие лоскутные наделы в виде полумесяцев. Когда владелец понял, что на неплодородной почве много кукурузы и овощей ему не вырастить, он покинул эти места. Дом развалился, а поля заросли сорняками и миртом. Глядя на развалины, я гадал, кто мог здесь жить, когда вдруг увидел, что сквозь заросли чабреца возле одной из стен пробирается какой-то рыжий комок.

Я не спеша поднес к глазам бинокль. Осыпавшиеся камни старой кладки стали гораздо четче, однако я не сразу понял, что привлекло мое внимание. Но вот из зарослей, к моему изумлению, вылез крошечный гибкий зверек, рыжий, как осенний лист. Это была ласка, и, судя по поведению, совсем юная и невинная. До нее ласок на Корфу я не видел, и она меня совершенно очаровала. Осмотревшись вокруг с несколько задумчивым видом, она встала на задние лапы и хорошо приняю-

Сад богов

халась. Но, явно не учуяв ничего съестного, снова села и добросовестно, с заметным удовольствием почесалась. Вдруг она прервала свой туалет, изготовилась и попробовала поймать яркую, канареечного цвета лимонницу. Но бабочка выскользнула из лап и улетила, а ласка с глупым видом пару раз цапнула пустой воздух. Она снова присела на задние лапы, чтобы высмотреть исчезнувшую добычу, потеряла равновесие и чуть не свалилась с камня.

Я восхищался ее миниатюрностью, ярким цветом и невинностью. Больше всего на свете мне хотелось ее поймать и принести домой в свой зверинец, но я понимал, что задача это непростая. А пока я ломал над этим голову, развернулась настоящая драма. Рядом с разрушенным домиком из-за кустов выросла тень вроде мальтийского креста, и низко летящий ястреб-перепелятник нацелился на ласку, которая приняхивалась и совершенно не чувствовала опасности. Пока я соображал, закричать мне или хлопнуть в ладоши и тем самым ее предупредить, она сама заметила хищника. С невероятной скоростью развернувшись, она элегантно вспрыгнула на развалины стены и проскользнула между двух камней, что, казалось, было бы сложно жуку-светляку, а не то что ласке. Этаким трюк: только что сидела на виду — и через секунду исчезла в развали-

1. Собаки, сони и сумятица

нах, как капля воды. Ястреб завис с распущенным хвостом, полагая, что жертва вынырнет. Но после секунды-другой ожидания ему все это наскучило, и он полетел дальше в расчете на менее капризную цацу. Через некоторое время ласка высунула мордочку из расщелины. Убедившись, что все чисто, она вылезла по-тихому и двинулась вдоль стены. Видимо, сказался недавний опыт, так как она периодически пряталась между камнями. Наблюдая за ней, я раздумывал, как подобраться ближе и набросить на нее рубашку, пока она не догадалась о моем присутствии. Помня о ее профессиональном трюке с исчезновением, я понимал, что задачка будет не из простых.

Вдруг, юркая как змея, она шмыгнула в дыру у основания стены. Из дыры повыше этой с встревоженным видом вылез другой зверек и, взобравшись по стене, юркнул в расщелину. Я страшно возбудился — даже беглого взгляда мне хватило, чтобы узнать существо, которое я уже много месяцев мечтал выследить и поймать: садовая соня, возможно, один из самых красивых европейских грызунов. Вдвое меньше взрослой крысы, желтовато-коричневый мех, ярко-белые подштанники, длинный мохнатый хвост с полосатым черно-белым кончиком и черная меховая мордаха, этакая смешная пародия на маску, какую в давние времена, по рассказам, носили грабители.

Сад богов

Передо мной возникла дилемма. В стене прячутся два зверька, о которых я мечтал, причем один гонится за другим и у обоих ушки на макушке. Если моя атака провалится, я рискую остаться с пустыми руками. Я решил сначала заняться лаской: она будет поживее, а соня, если ее не беспокоить, пожалуй, куда не уйдет из своей новой норки. По зрелому размышлению я предпочел рубашке сачок и, вооружившись им, начал с предельной осторожностью спускаться по склону, застывая всякий раз, когда ласка высовывала мордочку и озиралась. В конце концов я оказался, незамеченный, метрах в двух от стены. Сжав покрепче длинную рукоять сачка, я стал ждать, когда ласка выглянет из катакомб, которые она сейчас обследовала. Сделала она это столь внезапно, что застигла меня врасплох. Она присела и уставилась на меня с любопытством и без всякого страха. Только я собрался взмахнуть сачком, как, ломая кусты, с высунутыми языками и помахивающими хвостами, выскочили три мои собаки, так громко выражая свой восторг, словно мы не виделись много месяцев. Ласка испарилась. Секунду назад она застыла от ужаса при виде этого нашествия — и вот уже исчезла. Я с горечью отчитал собак и прогнал их наверх, где они улеглись в тени, обиженные и озадаченные моим дурным нравом. А я приготовился ловить соню.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	7
1. Собаки, сони и сумятица	11
2. Призраки и пауки	55
3. Сад богов	81
4. Весенняя стихия	129
5. Факиры и фиесты	159
6. Приезд королевской особы	197
7. Любовные тропы	237
8. Дружеское веселье	273